

Они были славной парой. Два старичка: она и он. Она обожала его безмерно, он был влюблён навечно, и одно лишь чувство держало его «по эту сторону клумбы», как говаривали некогда праотцы. Считая её наилепшим, что случилось в судьбе, благодарный Вселенной за дарованную встречу, он не мог предать любимую, оставив вовсе без никого, и потому, пересиливая всё возрастающую дряхлость, позволил ухаживать за собой, дабы не потерялся совсем смысл этой жизни.

Заботы о нём занимали всё её существо. Занятая ими, она не имела времени заметить, насколько худо бывало ей, и, отсрочивая собственное увядание, подменяла благополучие размеренностью. Чего стоили, к примеру, пробуждения в означенное раз и навсегда время, когда, для того, чтобы помочь подняться с постели, ей приходилось подолгу разминать его измождённое тело, иначе утомлённое сердце отказывалось гонять кровь с былой силой.

– Эх, коли бы был свой домик в деревне, насколько лучше жилось бы нам, – сокрушалась она, выглядывая по утрам в окошко.

Квартира с высоким потолком и просторной кухней в тихом центре на четвёртом, предпоследнем этаже дома, некогда казалась лучшим местом на земле. Так оно бывает в пору безмятежности вовремя осознанных в себе сил, но теперь, направляясь за покупками, приходилось заодно набираться терпения и запастись изрядной долей упрямства, чтобы не только добрести с ношей до подъезда, но поднять её к входной двери квартиры.

Кроме всего прочего, им обоим был необходим свежий воздух. Не подыши они хотя бы день

городским, запертым в тесноте улиц ветром, слабость и окончательная потеря желания «досмотреть всё до самого конца» не заставили бы себя ждать. Посему граждане и гражданки, прогуливающиеся после обеда мимо скамьи под сулулым каштаном, сыто и равнодушно умилялись картинкам из домашней жизни трогательной донельзя пары, что проходила у всех на виду.

Обёрнутый в плед, он сидел глядя прямо перед собой. Она с озабоченным видом и немного жалкой, извиняющейся за неловкость своего положения улыбкой то укутывала плотнее, то утирала платочком влажные его усы. В известный час, выудив из вязанного просторного ридикюля одетую в тёплый шарф банку с протёртой курочкой, она кормила его с серебряной кофейной ложечки, а он, растерявший на пороге старости остатки никому ненужной скромности, привычно приоткрывал беззубый рот и глотал, не жуя. Когда она спрашивала, вкусно ли ему, он молча растягивал губы в некоем подобии улыбки и вздыхал, ибо понимал, каково ей приходится, и кабы знал, что она не будет страдать, избавил бы от себя без раздумий, не проснувшись в любой из дней поутру.

... Ночами, прислушиваясь к его дыханию, она нежно гладила слегка поредевшие на затылке волосы, пока не засыпала, наконец, уткнувшись носом ему в грудь. А он... он лежал после без сна, счастливый и несчастный, не смея переменить положения, дабы не спугнуть её бесконечно повторяющееся сновидение про то, как слепым ещё котёнком он попал в этот дом...

NotaBene

Коту было 28, ей – 82...